

4. Маргинальность в социальных группах: проблемы динамики

4.1. Поведение безработных в условиях кризисного рынка труда

4.1.1. Введение

Безработица в нашей стране стала следствием глубинных структурных изменений. Можно сказать, что это – следствие общей маргинальной ситуации. В ее развитии на сегодняшний момент можно выделить два этапа: 1991 — середина 1990-х годов (наиболее неопределенное, практически неуправляемое состояние общества) и середина 1990-х — настоящее время (период относительной стабилизации "хаоса", формирования более устойчивых социальных отношений). Данное исследование относится ко второму этапу. Это период, когда многие явления рыночной экономики стали неотъемлемой частью новой реальности, безработица "легитимировалась" в сознании людей как элемент современных социальных отношений и заняла свою позицию в их системе. Тем не менее эта позиция весьма неустойчива, так как оценивается данный феномен в обществе по-разному, зачастую диаметрально противоположно ("социальное зло" на одном полюсе оценочной шкалы — "объективная необходимость" на другом; по данным ВЦИОМ, 48,1% опрошенных в ноябре 1998 г. считали, что безработица в нашей стране недопустима, 35,1% в той или иной степени допускали существование этого явления, среди них 2% считали его даже полезным в небольших размерах)¹⁸⁹.

Масса безработных в экономически активном населении увеличилась с 1992 года более чем в два раза. Быстрее всего растет доля безработных в возрасте 30-49 лет, составлявшая в 1997 году уже более половины всех безработных. Доля специалистов среди безработных незначительно уменьшалась, составляя около 1/5. Для трети безработных условия потери работы официально носят вынужденный характер (высвобождение или ликвидация предприятия), и доля эта ежегодно растет (причем чаще всего это касается женщин). Растет также доля людей, находящихся в безработном состоянии больше года, — с 23,3% в 1994 г. до 38,1% в 1997 г., причем отмечается тенденция роста застойной безработицы¹⁹⁰. У специалистов вызывает тревогу увеличивающееся количество незанятой молодежи, среди которой быстрее всего растут доли выпускников основных и средних общеобразовательных школ, ПТУ, колледжей (техникумов). Если учесть, что незанятый контингент нового выпуска накладывается на предыдущий, то этот процесс приобретает кумулятивный характер, способствуя росту негативных социальных явлений¹⁹¹.

Безработица активно исследуется в различных направлениях: как элемент общей динамики социальной структуры, со стороны издержек для разных групп населения, как объект политики государства в сфере занятости, при этом четких критериев определения безработных в России нет, поэтому их совокупность весьма разнолика¹⁹². Безработица рассматривается также со стороны ее психологических и ценностных компонентов, являющихся важным дополнением «средовых» аспектов высвобождения и последующего трудоустройства. Имеющиеся в литературе данные позволяют заметить, что сознание неработающих людей может претерпевать достаточно серьезные изменения в зависимости от срока незанятости и других факторов. Также есть основания говорить об особой структуре сознания, обеспечивающего преодоление безработными жизненных трудностей. Ряд авторов уже обратили внимание на влияние уровня притязаний, структуры трудовой мотивации и локуса контроля на поведение после потери работы, на сопровождающие состояние безработицы изменения само-

¹⁸⁹ Работающее население: отношение к проблеме безработицы (ноябрь 1998 г.) // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1 (39).

¹⁹⁰ Российский статистический ежегодник. М., 1998.

¹⁹¹ Забродин Ю.М. Проблемы управления человеческими ресурсами (российские реформы и перспективы развития психологии) // Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М.: Магистр. 1997. С.7-37.

¹⁹² См., напр.: Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях // Соц.-пол. исслед. 1994. №8-9; Государственная и корпоративная политика занятости / Под ред. Т.Малевой; Моск. Центр Карнеги. М., 1998; Сигарева Е.П. Безработные в структуре общества // Соц. иссл. 1998. № 7; Соколова Г.Н. Социальные издержки безработицы и пути их снижения // Соц.-пол. исслед. 1995. №9 и др.

оценки, реструктурирование референтностей¹⁹³. По данным зарубежных лонгитудинальных исследований у тех, кто не может найти себе работу, наблюдаются значимые изменения в оценке своей компетентности, активности, удовлетворенности жизнью; одновременно имеются предпосылки незанятости, связанные с эмоциональным принятием/неприятием состояния безработицы, степенью уверенности в нахождении работы¹⁹⁴.

В целом специалисты обращают внимание на многообразие способов реагирования людей на незанятость: одни справляются с трудной жизненной ситуацией лучше, другие хуже, а некоторые даже находят удовлетворение в альтернативных жизненных стилях.

4.1.2. Цель, эмпирическая база и методы исследования

Общая модель, примененная в исследовании, включает следующие основные элементы, которые выстраиваются в последовательности: социальные изменения — маргинализация социального статуса — ситуация жизненной трудности — поведение в трудной ситуации — успешное или неуспешное преодоление жизненной трудности с последующей стабилизацией социального статуса. Особый интерес для нас представляет поведенческие элементы модели.

Современные авторы обращают внимание на важность изучения типологических характеристик индивидуального действия в трансформирующемся обществе, на необходимость рассматривать усилия самих людей в процессах социальной мобильности¹⁹⁵. В данном контексте закономерно активизируется интерес к психосоциальным механизмам регуляции поведения. В свое время Ч.Сейбел, изучая поведение рабочих в производственной и политической сферах, пришел к выводу, что его невозможно понять и предсказать без учета представлений рабочих о своей трудовой жизни. Эти представления, названные в продолжение веберовской традиции мировоззрением (world view), включают в себя набор идей о труде, опыт переживаний и решений в профессиональной сфере, амбиции и организуются в соответствии с определенными канонами, которые формируют реакции индивида на происходящее¹⁹⁶. Если применить идею мировоззрения к незанятым людям, то она позволяет целенаправленно искать в их субъективной позиции те специфические «каноны», которые могут в одних случаях приводить к преодолению трудностей, а в других уводить в состояние глубокой дезадаптации.

Хотя мировоззрение в вышеобозначенном смысле фиксирует реально существующий синтез когнитивных, мотивационных, аффективных образований, это не снимает проблемы дальнейшей понятийной проработки самой идеи мировоззрения. С нашей точки зрения для понимания поведения человека на рынке труда целесообразно ввести понятие «*трудовое сознание*», выделив в нем два содержательных плана: 1) систему знаний, отношений, переживаний по поводу хозяйственной жизни общества и путей интеграции в нее; 2) систему знаний, отношений и переживаний себя как субъекта хозяйственной жизни¹⁹⁷. Взаимодействие двух планов порождает у безработных (равно как и работающих) определенные притязания, установки, приемы саморегуляции, которые влияют на готовность к тем или иным формам поведения и в совокупности с последними образуют специфические способы адаптации к трудной жизненной ситуации. На этапе предварительных размышлений в содержание этих способов мы можем включить защитные механизмы, различные схемы интерпретации мира, беспомощность и оптимизм, установки на поисковую активность и надежду, веру в свои способности решать проблемы и другое (см. гл. 3.3 «Маргинальная ситуация и совладающее поведение»), однако вопрос об их конкретной внутренней наполненности остается открытым.

Выявление эмпирического содержания способов адаптации было осуществлено нами в логике качественного исследования. Его основные этапы: разработка базовой модели (схемы понятия) — вхождение в эмпирическую реальность с помощью «мягкого метода» — кодирование и категоризация собранного материала (снятие «естественной» структуры исследуемой реальности) — интеграция категорий в типологию, частную концепцию — содержательное обогащение исходной модели (понятия). Наиболее отчетливо данная логика реализуется в методологии grounded theory, предложенной Б.Глезером и А.Строссом¹⁹⁸. Она сопровождается специфическими требованиями к выборке, которая должна быть репрезентативной не в статистическом, а в содержательном плане.

Эмпирической базой для дальнейших рассуждений послужили результаты цикла исследований, проведенных в Краснодарском крае, Калужской и Московской областях, Екатеринбурге, Москве и Нижнем Новгороде.

¹⁹³ См.: Гимпельсон В.Е. Уволенные работники на рынке труда: влияние локуса контроля на восстановление занятости//Социол. журн. 1995. N2. С.123-140; Гордиенко А.А., Пошевнев Г.С., Плюснин Ю.М. Структура поведения безработного// Социол. иссл. 1996. N11; Феоданов К.А. Ценностно-нормативный аспект безработицы в России// Социол. иссл. 1995. N9 и др.

¹⁹⁴ Feather N.T., O'Brien G.E. A longitudinal study of the effects of employment and unemployment on school-leavers//Journal of Occupational Psychology. 1986. Vol.59. P. 121-144.

¹⁹⁵ См.: Падаяев В.В. Стратификационный анализ постсоветской России: неовеберовский подход//Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М.: Московский общественный научный фонд. 1999; Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН. 1999.

¹⁹⁶ Sabel C.F. Work and politics: the division of labor in industry. Cambridge: Cambridge university press, 1982.

¹⁹⁷ Подробнее о данном понятии см.: Демин А.Н. Психологическое содержание профессиональной ориентации// Прикладная психология. 1999. №4.

¹⁹⁸ Strauss A.L., Corbin J.M. Basics of qualitative research: grounded theory procedures and techniques. Newbury Park, 1990.

де в 1996-1999 гг.¹⁹⁹ Их объектом были разные группы незанятого населения, включая выпускников профессиональных учебных заведений, впервые вышедших на свободный рынок труда, людей, попавших под сокращение за несколько месяцев до обследования, хронических безработных, находящихся в этом положении уже больше года. Наши респонденты проживали в крупных, средних и маленьких городах. Общий объем выборки составил 134 человека в возрасте от 18 до 54 лет, в нее вошли мужчины и женщины, имеющие образование от общего среднего до высшего профессионального, работавшие в разных сферах на предприятиях разного вида собственности. Использовались фокус-группы, нарративные и полуструктурированные интервью.

Свое внимание мы сконцентрировали не на различиях между регионами и группами, что является, безусловно, интересным и важным, а на некоторых общих для всей обследованной совокупности механизмах поведения в маргинальной ситуации, которые могут служить предметом дальнейших обсуждений, сравнений и дополнений.

Собранные данные дали возможность рассмотреть внешнюю и внутреннюю работу людей по преодолению той ситуации, в которой они оказались: осмысление обстоятельств и своих возможностей, конкретные «техники» и результативность поведения, эмоциональное самочувствие. Поскольку в исследовании акцентировалась качественная стратегия сбора и анализа данных, мы прежде всего пытались вычленивать индивидуальные приемы поведения, обобщенные затем в несколько основных механизмов, имеющих тем не менее конкретные эмпирические проекции. Их описание представлено ниже.

4.1.3. Отношения с государством и обретение нового статуса

Приобретение статуса безработного может становиться открытым полем *борьбы с государством*. Государство, «ограбившее» своих граждан несколько раз, предстает противником, у которого необходимо взять хоть что-то. Поэтому условность данной позиции и связанных с этим ролей принимается людьми как данность в ненормально устроенном мире, которую надо использовать. *«Я в Центр занятости пришла, мне говорят, вы поторопитесь, у вас же срок исходит. Какой срок? Статуса безработной. Я что-то не поняла. Говорят, по нашим российским законам только год имеешь право стоять на учете. Я говорю, извините, а дальше что? Меня на улицу?.. А какие к нам претензии? Это государство создало такой закон... А что мне делать? 12 мая истекает этот срок. Загвоздка сразу начинается в справках. Во-первых, например, страховой полис. Из-за того, что я стою на учете, у меня этот полис есть. Значит, я лишаюсь полиса, это раз... Я только платно буду лечиться... Второе. Сейчас постоянно новшества вводят насчет детского пособия: постоянно что-нибудь меняется, каждые полгода. Опять нужно собирать справки... Это хорошо, что я стояла на учете в Центре занятости, мне дали справку без разговоров. Я пришла в собес и сказала, что я малоимущая семья, но я стою на учете в Центре занятости, нигде не работаю. Мне сейчас платят 54 рубля в месяц как безработной. Но сейчас, с 12 мая, меня выбросят на улицу, я остаюсь без единой справки, мне никто ее не даст, т. е., не дай бог, коснется пособия, да чего угодно, я нигде не смогу ничего взять...»* (ж., 34 года, Вика).

Образ государства-противника, с которым надо сражаться, отвоёвывая право на статус, усиливается с углублением степени безысходности ситуации, как в упомянутом уже случае. *«Как можно увидеть какие-то перспективы? — замечает она. — Я их не вижу. Можно увидеть, когда видишь, что шаг навстречу делает тебе, ну то же государство, но нас все бросили. Они за кремлевской стеной вообще не представляют, как живут остальные люди. У них своя жизнь, у них свое государство... Какое развитие может быть? Какой там экономический рост? О чем они вообще говорят? О каком росте? Когда таких наукоградов полстраны. Я так думаю, они вообще не знают, что мы существуем. Но их раздражает, что люди должны существовать, и существуют и еще чего-то требуют. Какие-то еще требования предъявляют. Какие-то шахтеры касками стучат, еще медики бастуют. А у людей инсулина нет, не сделают укол инсулина, он сидит дома и ждет, сегодня он умрет или завтра».*

Механизм "борьбы с государством" может заменяться более мягкой и прагматической формой. Это — *рентные отношения*. Человек не торопится предпринимать какие-то активные действия, пока получает пособие по безработице в достаточном для жизни размере. В своих планах он напрямую связывает начало поисков работы с уменьшением пособия до неприемлемого для себя уровня. Люди воспринимают потерю работы как возможность отдохнуть, даже как длительный оплачиваемый отпуск — своего рода вознаграждение за отданный государству труд. Характерна такая оценка женщины, проработавшей много лет: *«Меня иногда ужасает: ведь мы были привязаны к этой работе как рабы и ничего за душой не имеем».* В этой связи понятны ее рассуждения по поводу будущего: *«... загадывать рано, год впереди (через год снимают с учета в СЗ и через год же этот человек планирует хлопотать о досрочной пенсии — авт.). Жить нужно здесь и сейчас, прошлого нет, будущего тоже нет. Зачем мне думать, что будет через год, если никто не знает, что будет через год. Я никому не слуга и не хозяйин, я живу одна, я пока наслаждаюсь жизнью. Может быть, безработному об этом*

¹⁹⁹ Использованы материалы проектов: «Совладание с жизненными трудностями в посткоммунистической России: социальные и экономические стратегии андекласса», 1998-2000 гг., выполненного при финансовой поддержке Института «Открытое общество» (программа RSS, проект № 153/1998; В.В.Радаев — руководитель, Е.С.Балабанова, М.Г.Бурлуцкая, А.Н.Демин, О.Е.Кузина, Л.Е.Петрова); «Особенности маргинального статуса безработного специалиста», 1999 г., выполненного при поддержке Московского общественного научного фонда (И.П.Попова — руководитель). Использовались также данные, собранные совместно с Н.А.Крыловой и А.С.Пивнюк.

не стоит говорить, но раз Бог дает мне этот год — знаете, я всегда мечтала хоть год не поработать, я так устала от этой работы. Мечтала: найти бы спину, чтобы хоть годик за этой спиной не поработать. Я считаю, судьба посылает год, надо получить наслаждение» (ж., 51 год).

Чем старше человек, тем выше вероятность его вступления в рентные отношения с государством. Это обусловлено не только усталостью, накопившимися болезнями, соответствующими установками, но и особенностями законодательства, в соответствии с которым за каждый год трудового стажа сверх 20 лет безработный имеет право продлить срок получения пособия на две недели.

Своеобразным продолжением «рентных отношений» является *альтернативный стиль жизни*. Одни используют появившийся «отпуск» для того, чтобы подлечиться, другие — чтобы наконец сделать в квартире ремонт, третьи начинают больше уделять внимание детям и семье. Некоторые окончательно «уходят» в семейные заботы или натуральное хозяйство. Чем глубже этот уход, тем сложнее затем людям вернуться в состояние оплачиваемой занятости — прежде всего психологически. Оказывается, что возможность иметь перед глазами детей, *«схватить в случае чего их в охапку и — в больницу»*, является более значимым состоянием, чем работа. Отсутствие таковой позволяет по-новому осмыслить личные приоритеты или сформировать их. При этом немалое значение имеют возможности и ценности, принятые в семье.

Вообще же анализ интервью безработных подводит к выводу, что получение официального статуса безработного для них — путь приспособления к нестабильным, неопределенным социальным условиям, получения какого-то определенного положения в обществе, дающего, кроме всего прочего, осознание своего места в нем. *«Я сразу встал на биржу, чтобы не терять стаж. Там пособие, у меня же была максимальная зарплата, максимальное пособие я получал, тоже, в общем-то, не лишнее, плюс полис, и вроде какой-то статус есть, понимаете? И с тех пор я там стою...»* (м., 37 лет, Игорь).

Статус зарегистрированного безработного, несмотря на свою крайне низкую в оценке общественного мнения и, в общем, нестабильную и неопределенную в социальном пространстве позицию в обществе, тем не менее закрепляет определенную, принятую в обществе роль, систему связанных с ним ожиданий и вознаграждений. Это оказывается для многих людей очень важным именно в этом аспекте, но одновременно сопровождается комплексом отрицательных переживаний, чувством ущемленности и униженности, сигнализируя об амбивалентности приобретаемого статуса. Вот как рассуждает бывший инженер, уволенный с обанкротившегося предприятия: *«Знаете, самое неприятное не то, что я тут (в службе занятости), — тут я уже статус свой определила, я сама себе сказала, кто я, сознательно пошла мыть полы. Самое обидное, когда приходишь на завод и просишь: отдайте мои деньги, на тебя смотрят, как будто ты из личного кармана каждого пытаешься их вытащить, вроде бы, как вы нам надоели, и шли бы отсюда, вот как слушаешься, такое впечатление, я понимаю, как нищий сидит с протянутой рукой. Но он ведь определил для себя — я нищий, я сел, я протянул руку, все — вот мой статус нищего. Такое впечатление создается, что ты ущербный...»* (ж., 41 год, Светлана).

Статус зарегистрированного безработного — это действительно *переходная* позиция к чему-то другому, позволяющая «узаконить» свое существование (для некоторых, например, это путь получения полиса для медицинского обслуживания), не потеряться в обществе. Это хрупкий мостик в построении нового образа жизни, новых планов. Примечательно, что один из мотивов — не потерять стаж работы, следовательно, здесь имеет место определенное планирование будущего, в котором государство выступает в роли страховой компании, хотя и нелюбимой.

Эта переходная позиция с течением времени становится постоянной, скрывающей под собой целую композицию статусов занятости (теневой, полуполюгальной и даже, по некоторым данным, криминальной). Так, бывший инженер-электронщик создает себе целую структуру статусов. Он работает дворником, кроме того, принимает частные заказы как сварщик, столяр. Бывший инженер машиностроения строит дом. Инженер-технолог во время безработного периода постоянно работала продавцом в частном магазине. Для тех, кто фактически является предпринимателем, статус безработного, т.е. неимущего, помогает отстоять свои интересы в «разборках».

В отношениях безработных с государством есть важный аспект, затрагивающий проблему учета особенностей сознания неработающих людей в социальной политике на рынке труда. К сожалению последняя изобилует примерами неэффективных решений. Например, регулярно принимаются решения о квотировании рабочих мест для молодежи, которые в своей нынешней форме не могут быть реализованы, поскольку не учитывают особенности сознания молодежи, в частности, ее притязания и стратегии выхода на рынок труда. Еще более наглядный пример связан с пособиями по безработице. Хорошо известно, что Закон о занятости в той части, которая регламентирует их начисление и выплату, является предметом постоянной критики специалистов, поскольку во многих случаях стимулирует пассивность безработных, толкая их на рентные отношения с государством. Причина в том, что данный закон не учитывает многоуровневую структуру материальных притязаний человека, регулятивный эффект которой весьма различен в ситуациях работы и безработицы. Материальные притязания включают идеальные, реалистические и резервные цели²⁰⁰. Идеальные цели обслуживают более или менее отдаленную жизненную перспективу и могут иметь отложенные социально-политические и экономические эффекты. Реалистические и резервные (аналог резервной заработной платы в экономической

²⁰⁰ Подробнее см. в: Демин А.Н. Отношение к ценности высокого заработка и материальные притязания молодежи // Психологическая адаптация личности к условиям рыночной экономики. Ростов-на-Дону. 1999.

теории) обслуживают текущую жизненную ситуацию и ближайшую перспективу и более непосредственно могут учитываться при прогнозе эффектов социально-трудовой адаптации. Их соотношение в разных жизненных ситуациях складывается по-разному. Например, безработный готов выйти на работу при зарплате 600 рублей — это его резервная цель в настоящем, уровень которой располагается между прожиточным минимумом и среднекраевой зарплатой²⁰¹, но ему выгоднее получать пособие, которое на 200 рублей выше и привязано по закону к его предыдущей зарплате, т.е. реалистической цели в прошлом. Ясно, что указанные числа нельзя называть большими, но их суммирование создает большую проблему для государства и самих безработных.

В целом высказанное соображение свидетельствует о необходимости соотносить и согласовывать модели финансового обеспечения деятельности с социально-психологическими моделями ценностей и притязаний.

4.1.4. В поисках конструктивных форм поведения

Механизмы адаптации безработных к той ситуации, в которой они оказались, можно условно разбить на две большие группы: конструктивные и неконструктивные. Критерием конструктивности является направленность на реальное и позитивное в социальном (достижение приемлемого социального статуса) и психологическом (удовлетворенность, оптимистичность, уверенность в себе) аспектах разрешения жизненной проблемы, возникшей в связи с потерей или отсутствием работы.

Сначала опишем неконструктивные формы, которые блокируют выход человека из трудной жизненной ситуации или обеспечивают такой выход, который не приносит ему удовлетворения.

Защитное, избегающее поведение. Оно характеризуется тем, что в одних случаях человек старается не замечать тех проблем, с которыми он столкнулся, уходит в воспоминания о том, как было хорошо на прежнем месте работы, не пытается реалистично посмотреть на ситуацию. В других случаях человек всячески уходит от предложений и ситуаций, которые требуют от него усилий, настойчивости, нового взгляда. Сознание людей, реализующих данную форму поведения, жестко охвачено сложившимися обстоятельствами, будущее предстает для них перспективой, определяемой внешними силами; они не предпринимают попыток увидеть или принять параллельных путей своего развития; нет уверенности в своей способности изменить ситуацию, более того, они полагают, что предпринимать какие-либо шаги бессмысленно. Такие люди характеризуются растерянностью и потерянностью, от общения с ними остается впечатление общей угнетенности. Примечательно, что они нередко жалуются на хроническое недомогание, болезни, преследующие их невзгоды.

Хотя мы применяем к таким людям термины «психологическая защита», «избегание», здесь в ряде случаев могут использоваться и другие понятия, например, «выученная беспомощность», позволяющие увидеть специфический характер отношений безработных с окружающими их обстоятельствами. Профессия не рассматривается ни как сфера приложения своих усилий, ни как инструмент интеграции в социальную структуру. Закономерно, что для людей, принявших данную форму поведения, свойственны осторожность, пессимизм и пассивная выжидательная тактика с частыми обвинениями в адрес других (работодателей, службы занятости, государства в целом).

Характерно высказывание одной из выпускниц колледжа, оказавшейся без работы и вынужденной возвращаться из Краснодара к себе в район: *«Вернусь домой, а там что? Бухгалтером я работать не смогу — у нас все хорошие места давно схвачены. Мама вроде бы нашла мне место почтальона, но зачем мне почтальон. Придется идти в службу занятости, но я знаю, что там мне ничего не смогут предложить»* (ж., 19 лет).

Для людей среднего возраста переживание текущей ситуации может вписываться в более широкий временной контекст, в котором они начинают переживать себя той частью общества, которой выпала незавидная, извне определенная судьба. Они оказались на разрыве двух миров — той, прежней, и нынешней жизни. *«Тогда время же было совершенно другое. Сейчас вспоминаешь, как будто мне тысяча лет...»* (ж., 39 лет). Очень хорошо передают это состояние слова бывшего инженера-электронщика: *«Получается, что мы вообще уже выпавшее поколение (выделено — авт.). Мы уже перешли возраст, когда еще что-то можно, и не дошли еще к пенсионному. Получается, что наше поколение — сорокалетних — вообще никому не нужно. Вот кто попал в колею, кто был у руля, они попали в колею, они так и будут в этой колее, да молодые, которым сейчас около тридцати. Потому что перестройка попала, когда они школу кончали. Им повезло, т. е. началась эта перестройка и они с ней перестроились. Они еще немножко в колее — эти тридцатилетние, успели как-то, не нужно как-то переучиваться. А мы получились вообще неизвестно что. И до пенсии далеко, и уже от 35 далеко. И все. Я не знаю...»* (ж., 41 год).

Хаотический поиск. Поведение без осмысления вариантов и последствий принимаемых решений. Человек берется за все, что подворачивается под руку. На первый взгляд такое поведение может приносить определенную пользу в нынешних кризисных условиях, но, как показывают наблюдения, если оно сопряжено с резким падением заработной платы на новом месте работы, понижением социального или профессионального статуса, у людей со временем возникают тяжелые психологические состояния, аккумуляция которых может приводить к общей неудовлетворенности, агрессивности. В этом смысле показателен случай с одной нашей респонденткой (34 года), которая, оказавшись без работы в связи с ликвидацией организации, лихорадочно стала

²⁰¹ Имеются в виду показатели 1998 г. по Краснодарскому краю.

искать работу и устроилась в учреждение, где ее оклад стал в 3 раза меньше предыдущего, а работы значительно больше. Воспитанная в духе «обязательной работы», в стрессовой ситуации она оказалась неготовой к взвешиванию альтернатив, проработке своего будущего и тем самым поставила себя в отчаянное положение. Примечательно, что другие сотрудницы, сокращенные одновременно с данной респонденткой из той же самой организации, повели себя иначе. Нам удалось встретиться с двумя. Одна совершенно определенно выбрала «рентные отношения» с государством, а другая — «накопление опыта поведения на свободном рынке труда» (его описание смотри ниже), при этом обе оценивали свою ситуацию как гораздо менее напряженную и конфликтную, будущая перспектива не виделась им в таких мрачных тонах.

Если две предыдущие формы мы квалифицируем как неконструктивные, то следующие две являются собой некоторый промежуточный вариант, готовый слиться с одним из полюсов.

Поиск в условиях ограниченной информированности. Обладатели этой формы поведения готовы действовать в направлении решения своих профессионально-трудовых и жизненных проблем, но явно ощущается дефицит информации, которую они могли бы использовать в своих поисках. В одних случаях это объясняется неразвитостью социальных связей (особенно у выпускников учебных заведений), в других — низким качеством имеющихся источников информации. Типичное высказывание: *«Я умею и готова работать не только по своей специальности, но в службе занятости мне пока ничего не предложили. Я попробовала устроиться на свою давнюю работу, но мне там отказали. Люди устраиваются через связи, а у меня их нет. Сейчас сижу дома и жду — не знаю чего»* (ж., 47 лет). В целом существование данной формы поведения обусловлено отсутствием у человека инструментов (информации, личных контактов) познания и проникновения в хозяйственную жизнь и это сдерживает его активность.

Продуктивное иждивенчество. Здесь мы имеем дело с особым вариантом отношений со своим ближайшим окружением. В чем особенность? Человек не просто делегирует ответственность за свою судьбу ближним, он использует их ресурсы, синхронно следуя за ними. В роли ближних часто оказываются родители, поскольку эта форма поведения характерна прежде всего для выпускников, попадающих в зону неопределенности между окончанием обучения и работой.

Анализируя процесс удовлетворения потребностей, в котором кроме самого субъекта участвуют другие люди, социальные, технические и природные системы, В.С.Магун делает вывод, что нужна так называемая «парадигма соучастия», в рамках которой активность человека рассматривалась бы не сама по себе, а наряду с другими силами, участвующими в жизненном процессе²⁰². Очевидно, что привлечение «других сил» может стимулировать лень и пассивность, но в нынешней социальной ситуации оно способно стать и фактором психологической устойчивости — по крайней мере для некоторых.

Судьбы детей могут складываться по-разному, но мы вправе допустить и такой вариант развития, когда достигнутое на предыдущих стадиях единство (мотивационное, эмоциональное и т.д.) воплощается в единую трудовую историю с опекой и помощью со стороны родителей, готовностью принимать услуги и сотрудничать — со стороны молодого человека. Не случайно респонденты, попавшие в обсуждаемый тип, мыслят свое профессиональное будущее как совместную работу под руководством одного из родителей. Приведем в качестве иллюстрации высказывание одной 20-летней девушки: *«У меня все известно. Мы переезжаем в другой город, мама уже нашла работу — она бухгалтер, и я буду работать вместе с ней. Она договорилась»*. У молодой выпускницы есть и определенность, и удовлетворенность при том, что она самостоятельных усилий для этого пока не прикладывала. Ее усилия — в соучастии, приносящем эффект.

Продуктивное иждивенчество как форма поведения в маргинальной ситуации органично вытекает из статуса предопределенной идентичности, суть которого в следовании семейным или культурным традициям при осуществлении жизненного выбора. Для обществ, где не приняты индивидуалистические ценности, такая идентичность признается показателем нормального личностного становления; для западного общества диапазон подобной оценки значительно уже, но тем не менее к отдельным социальным группам она применима²⁰³.

Говоря об эффективности рассматриваемой формы поведения в процессах занятости, мы можем обозначить три сценария развития событий при утрате семейной поддержки. В одном случае развитие может идти через прогрессирующую депривацию и развитие механизмов защиты и избегания, в другом — через переживание своей отключенности от социальных ресурсов, в третьем — через становление механизмов конструктивного поведения.

Таким образом, мы подошли к описанию конструктивных форм поведения безработных, которые можно квалифицировать как совладание.

Целенаправленное использование ресурсов своей межличностной сети. Достаточно распространенная форма. К ней относятся:

- Активная «инвентаризация» связей своих родственников, старых друзей, знакомых, обращение к ним за помощью.

²⁰² Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи// Псих. журн. 1991. Т.12. №6.

²⁰³ Marcia J.E. The importance of conflict for adolescent and lifespan development// Conflict and development in adolescence/ Leni Verhofstadt-Deneve et al. (Eds.) Leiden University, DSWO Press, 1996.

• Внутрисемейная консолидация (семейные советы и взаимная поддержка членов семьи), которую можно проиллюстрировать таким высказыванием: *«Муж у меня большой оптимист... Он верит в меня и считает, что я знаю гораздо больше, чем то, что мне предлагают. Я когда ему говорю, что вот такие-то новые программы, а он говорит, что все это ерунда, если бы тебя взяли на работу, меньше, чем через месяц, максимум — два, можно все это освоить, понять, изучить и нормально работать»* (ж., 25 лет). Следует признать, что внутрисемейная поддержка является не только важным условием преодоления жизненных тягот и неудач, но порой единственным источником энергии, питающей действия человека в трудной ситуации, позволяющей ему поддерживать свою психологическую устойчивость. Особенно наглядно это видно при сравнении семей, в которых существуют противоположные отношения одного из супругов к факту безработицы другого.

• Создание референтного круга общения, в котором культивируется взаимопомощь. *«Вот уезжала соседка, у нее оставалось и она принесла мне мешочек сахара. Я говорю: «Давай!». Приходит ко мне одна женщина, я знаю, что ей надо, вот тебе кулечек сахара. Другая приносит крупу — на тебе пшеничку, третья еще где-то что-то достала. Вот так сейчас, понимаете. На таком уровне каждый должен помогать друг другу. И я считаю, что это очень даже хорошо — как тот клуб «Одуванчики». Ведь это здорово, когда ты чувствуешь, что ты не один с этой жизнью»* (ж., 51 год).

• Если появляются планы, то надежда на их осуществление нередко поддерживается представителями твоего круга общения. Как говорит одна выпускница, *«я уверена, что мне это удастся, у меня есть единомышленники»* (ж., 19 лет).

• Использование окружения в качестве заказчиков и потребителей своих услуг и продукции (няня для соседских детей, вязание или шитье, продажа того, что собрано в лесу или выращено на огороде, и др.), что позволяет поддерживать необходимый уровень жизнеобеспечения и, что немаловажно, жизненного тонуса, пока не найдена работа

• Репутационная стратегия трудоустройства. Человек находит работу, зарекомендовав себя на одном из прежних мест. Основу этой формы поведения составляет ответственное участие в профессиональной межличностной сети. Стараясь качественно выполнять взятые на себя обязательства, человек формирует долгосрочные обменные отношения со своим актуальным и потенциальным окружением

Обобщая, можно сказать, что рассматриваемая форма поведения предполагает занятие позиции «умного» участника межличностной сети. Здесь уместно привести слова одного из классиков «совладающего» подхода, указавшего на подоплеку «умного» участия: «... процесс совладания в существенной степени зависит от направленности на другого человека во взаимоотношениях, а также на отношения сами по себе»²⁰⁴. Уместно также указать на распространенность традиций солидарности и взаимопомощи среди самого населения. Например, в Великобритании безработные в значительно меньшей степени рассчитывают на помощь родственников и друзей, не говоря уже о соседях и коллегах²⁰⁵.

Действенная конкретизация образа самого себя, своих планов и оценок происходящего. Сюда вошли:

• Осознание и активное использование индивидуальных ресурсов. Суть механизма заключается в осознании своих индивидуальных свойств, себя в целом в качестве средства или источника достижения нужного результата, сдвига в лучшую сторону. *«... попав в ситуацию безработного, ты еще более остро понимаешь, что только ты сам можешь решить свои проблемы. Никто тебе не поможет: ни государство и никто другой; т.е. ты сам должен "подкинуться" и найти себе эту работу или сам ее организовать»* (м., 45 лет).

Некоторым это удается в самом начале профессиональной карьеры, даже если это непосредственно не связано с полученной специальностью: *«Всегда занималась танцами, вышла из профессиональной категории, сейчас набираю группу детей — школьников и с ними занимаюсь. Кроме того, что это хорошо с финансовой стороны, я при этом получаю просто эстетическое удовольствие. Мне совсем несложно этим заниматься, к тому же это профессиональный танцевальный рост»* (ж., 23 года).

Человека поддерживает уверенность в том, что определенный навык, специальный опыт или другая индивидуальная характеристика, например, способность сходить с людьми, быстрая обучаемость и др. является его сильной, выигрышной стороной. Это сопровождается готовностью использовать данные индивидуальные свойства в разнообразных начинаниях даже вопреки очевидным барьерам типа возраста. В этом смысле показательны истории безработных, которые сумели «завоевать» необходимые им рабочие места в основном благодаря настойчивости, веры в свою способность справиться с трудностью (это очень похоже на то, что А.Бандура назвал «самоэффективностью»).

• Предметность оценок, намерений, планов. Порой недостаточно знать о той области, где ты можешь чего-нибудь достичь, необходимо еще и построить конкретный путь к ней. Можно считать себя специалистом вообще, а можно видеть, какую конкретную работу ты в состоянии выполнить. Можно питать «чистую» надежду на улучшение, а можно указать причины, сдерживающие улучшение. И т.д. Способность опредметить, конкретизировать свои планы и умения в той или иной области — важный элемент в преодолении трудностей. Человек может иметь достаточно богатый профессиональный опыт, но умение сфокусировать его на конкретной проблеме, ситуации, запросе является тем механизмом, который переводит опыт в эффективное поведение. Характерен случай с одной из женщин. С одной стороны, как она говорит, *«я немножко и бухгалтером работала, тамож-*

²⁰⁴ Lazarus R.S. Forword// Eckenrode J. (Ed.) The social context of coping. N.Y.:Plenum. 1991. P. IX.

²⁰⁵ См.: Тихонова Н.Е. Указ соч. С. 196.

ней занималась малость, с людьми — у нас такая служба была, что постоянно с людьми приходилось, вроде как и с кадрами немного, с автотранспортным участком была связана». Но с другой стороны, она сама отмечает, что ее ставит в тупик вопрос: «конкретно что вы хотите?» «В принципе я могу и то, и то, и то. Но как конкретно?» (ж., 38 лет).

•Накопление опыта поведения на свободном рынке труда. Опробование различных вариантов, подкрепленное успешными примерами других людей, помогает человеку выработать конструктивную позицию по отношению к неудачам, нащупать свои слабые и сильные стороны, ожидания и требования к себе и выработать в итоге эффективную стратегию поведения на рынке труда. Как говорит наша респондентка, сначала неудачи в поиске работы удручали ее, а сейчас — нет, если неудача, ну так что ж — нужно двигаться дальше. «Дорогу осилит идущий, на блюдечке никто не поднесет. И тем более я познакомилась с людьми, которые нашли работу хорошую. Вот одна у меня знакомая, она искала, она говорит : »Я и там была, и там была». Показывает, как она по всему городу была. Я поняла, что если хочешь найти, надо просто искать» (ж., 39 лет).

Стратегия накопления, по-видимому, весьма продуктивна для людей, впервые выходящих на рынок труда. «Сразу я вряд ли смогу найти работу по этой специальности, но я обязательно буду работать, чтобы накопить опыт и стаж», — рассуждает выпускница колледжа (ж., 19 лет).

На переобучение как способ накопления ресурсов и выхода из ситуации, рассчитывают немногие. В одних случаях это связано с возрастом, в других — с неверием, что такая возможность, вообще, может быть предоставлена службой занятости (многих безработных механизмов направления на переобучение ставит в тупик, поскольку предполагает получение гарантии трудоустройства с будущего места работы), в третьих — с недостатком денежных средств, чтобы самостоятельно оплатить тот курс, который интересует больше всего.

Те, кому удалось переобучиться, отмечают повышение уверенности в своих силах и положительный эффект от самой возможности «занять мозги», даже если потом не удалось найти работу.

Достраивание контекста текущей жизненной ситуации (я вижу то, чего пока нет или то, с чем я пока не имею дела). Здесь мы выделили два механизма.

•Отношение к трудной ситуации как совокупности шансов. Одни воспринимают себя жертвой ситуации, другие рассматривают сложившиеся и складывающиеся обстоятельства как источник новых или дополнительных шансов, которые открываются, планируются, используются самим человеком. Например, человек рассматривает предлагаемую работу как возможность установить новые социальные связи, получить новую информацию и проч., поэтому на первом этапе для него бывает не так важна величина зарплаты. Вероятно, общая установка на поиск, накопление шансов является важным условием адаптации в трудной ситуации. Это можно проиллюстрировать таким высказыванием: «В наше время, вообще, всегда нужно иметь запасной вариант, скажем, не отталкивать его. Иметь его ты, можешь, и не будешь иметь, но людей, которые предлагают, не отталкивать, не заедаться. Я, мол, сейчас мохнатый такой, идите вы все побоку, а завтра ты стоишь нищий» (м., 44 года).

Следует отметить, что приобретение "нужных" связей выполняет важную функцию в восприятии ситуации как совокупности шансов. Показательны в этом смысле слова бывшего научного сотрудника: «Вся беда в том, что я работал не в городе, а в этом закрытом институте... А он не в городе. Поэтому получается так: я работаю в городе, есть друзья, знакомые, но это они все твоего круга, и в таком же примерно положении. Либо они продолжают работать в институте и получают 1000 рублей, либо они тоже не работают... А иметь друзей среди тех, кто торгует, в распределителе сидит у власти... это надо было работать в городе, работать в райкоме, горкоме, еще где-нибудь... Сейчас, я думаю, что-то получится, потому что уже есть круг знакомых среди многих сфер» (м., 45 лет, Николай).

•Способность видеть множество сфер приложения своих сил. Если у человека существует только одна единственная профессиональная ниша, где он реализует себя, то удар по ней парализует его мотивационную сферу, возникает убеждение, что «я ничего не могу сделать», «какой смысл что-то предпринимать?», рождается агрессия. Если же человек видит множество сфер приложения своих умений и сил, это позволяет ему легче пережить кризис, который не воспринимается как катастрофа, не возникает ощущения заверщенного пути. Возможно, это является некоторым жизненным стилем. Вот что рассказывает один из безработных: «Я проработал много лет, делал генераторы на подводные лодки, солнечные батареи и аккумуляторы на спутники. Это была квалифицированная работа. Все это хозяйство закупали у нас и французы. Тогда я чувствовал себя специалистом. Это уникальная вещь: только два предприятия занимаются этим, одно из которых находится в Красноярске. И вдруг все это дело сломалось, и оказалось, что такие специалисты не нужны. И я переучиваюсь, занимаюсь вино-водочной линией, ее настраиваю, и кирпич кладу, и все что угодно. Когда был студентом и вагоны разгружал» (м., 45 лет). Оказавшись безработным, такой человек соответствующим образом продолжает строить свое поведение: «Раньше, когда работал, мысли были о работе, т.е. как делать свою работу, то здесь мысли переключаются на то, как ее найти и что ты можешь кроме того, что ты делал до этого, т.е. приходится расширять круг своих возможностей. В свое время нас работе на компьютере не обучали. Когда я работал в администрации, я купил самоучитель и начал учиться, но до конца этого не довел, т.к. эту "шарашку" разогнали. Но, тем не менее, теперь я все равно хочу добить это дело, т.е. овладеть этим компьютером». Способность видеть несколько сфер приложения своих сил является, по-видимому, одной из внутренних основ мобильности на рынке труда.

4.1.5. Заключение

Поведение безработных на рынке труда может осуществляться в нескольких формах:

- Борьба с государством.
- Рентные отношения с государством.
- Альтернативный стиль жизни.
- Защитное, избегающее поведение.
- Хаотический поиск.
- Поиск в условиях ограниченной информированности.
- Продуктивное иждивенчество.
- Целенаправленное использование ресурсов своей межличностной сети.
- Действенная конкретизация образа самого себя, своих планов и оценок происходящего.
- Достраивание контекста текущей жизненной ситуации (я вижу то, чего пока нет, или то, с чем я пока не имею дела).

Указанными формами поведение безработных вряд ли исчерпывается — есть трудно классифицируемые варианты. Также следует отметить, что формы комбинируются и могут стабильно присутствовать в поведении одного и того же человека и даже сочетаться в одной ситуации.

Предложенная классификация лежит в плоскости социо-психологического анализа феномена незанятости и в качестве таковой дополняет социоэкономический анализ, примером которого являются, в частности, стратегии выживания, предложенные Н.Е. Тихоновой (они связаны с особенностями получения дохода)²⁰⁶. Сочетание обоих видов анализа позволит более глубоко и тонко дифференцировать и объяснять процессы, происходящие на рынке труда.

Мы можем сделать пессимистичный и оптимистичный выводы из нашего исследования. Первый состоит в том, что для некоторых безработных ограниченность социальных и индивидуальных ресурсов, определяющих будущее, делает их действительно «выпавшими» из связи времен в период социальной трансформации. Это определяет маргинальность их положения на достаточно длительное время.

Оптимистичный вывод заключается в понимании тех сил, используя которые можно увеличить свои шансы на выход из маргинального положения. Современный российский рынок труда имеет смысл сравнить со сложной развивающейся системой, в которой есть не только актуальная, но и потенциальная структура, характеризующаяся неустойчивыми альтернативами²⁰⁷. Какая из них станет реальностью, зависит от многих факторов, в том числе от самих участников рынка труда. В нынешней ситуации все большее значение приобретает их способность к саморегуляции и самоорганизации. Не случайно, анализируя возможные сценарии динамики занятости и безработицы в ближайшие годы, специалисты приходят к выводу, что наряду с макроэкономическими факторами будет возрастать значение собственно политики на рынке труда, ключевой задачей которой должно стать повышение и поддержание «высокой способности к занятости» рабочей силы²⁰⁸. В этой связи особый интерес вызывают формы 8-10 из предложенного перечня. Они относятся нами к совладающему поведению, в сочетании образуют адаптационную компетентность в ситуации безработицы и являются потенциальным предметом активной социальной политики на рынке труда.

4.2. Вынужденные мигранты как маргинальная группа

В числе других «новых маргинальных групп» в современной России находятся вынужденные мигранты — беженцы и вынужденные переселенцы из стран СНГ и зон военных и межнациональных конфликтов на территории России. Мы сознательно ограничиваемся рассмотрением именно этой категории мигрантов, оставляя в стороне трудовую миграцию, эмиграцию и иммиграцию. По нашему мнению, именно бывшие советские граждане, внезапно оказавшиеся чужими на прежнем месте жительства, в полной мере демонстрируют черты новых маргинальных групп, выделенные И.П. Поповой²⁰⁹. Эти социальные группы переживают наиболее интенсивные изменения своего положения по отношению к прежней системе социальных отношений. Эти изменения обусловлены внешними обстоятельствами, маргинальная ситуация в значительной мере «навязана» людям извне. Для мигрантов характерна неопределенность их положения, «потенциальная поливекторность их социальных траекторий».

В западной литературе группы иммигрантов и беженцев традиционно включаются в разряд «маргинальных». Они «исключены» не только из рынка труда (как главной стратифицирующей оси современного об-

²⁰⁶ Тихонова Н.Е. Указ соч. С. 183-184.

²⁰⁷ Речь идет об идеях современной теории систем. См.: Пригожин И. Перспективы исследования сложности// Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М.: Наука, 1987; Костюк В.Н. Потенциальная реальность//Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1992-1994. М., 1996.

²⁰⁸ Прокопов Ф. Главная альтернатива безработице//Государственная и корпоративная политика занятости/ Под ред. Т.Малевой; Моск. Центр Карнеги. М., 1998. С.171.

²⁰⁹ Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе // Социологические исследования, 1999. № 7.

щества), но также и из «социального контекста», из социальных сетей, они оторваны от поддержки и помощи, в которых нуждаются. Они не могут ни участвовать в общепринятых видах деятельности, ни поддержать себя, ни позаботиться о себе способами, принятыми в обществе²¹⁰. Сразу отметим, что, принимая общую концепцию «маргинальности» вынужденных мигрантов из стран СНГ, мы не имеем оснований рассматривать эту группу в контексте «социальной инвалидности», поскольку, как мы попытаемся показать, эти люди обладают значительными ресурсами интеграции в новый социум.

В западной традиции мигранты-иностранцы (обычно из стран Третьего мира) рассматриваются как маргинальная группа, представляющая угрозу существованию социума, в который они входят. Данная проблема особенно актуальна для развитых стран, в которых масштабы иммиграции таковы, что последняя выходит из-под контроля и приобретает неуправляемые и незаконные формы. Она несет экономическую нестабильность, нагрузку на системы социальной защиты принимающих стран, и это обуславливает неприятие ищущих убежище лиц богатыми странами, страх перед незнакомой культурой, расизм²¹¹.

Масштабы вынужденной миграции в России и странах СНГ сегодня значительны. Первые «лица, вынужденно покинувшие места постоянного проживания», были зарегистрированы осенью 1991 года. Тогда их число составило 710 тыс. человек. На начало 1997 года их было зарегистрировано уже 2,7 млн.²¹² Как известно, эта цифра относится лишь к официально зарегистрированным беженцам и вынужденным переселенцам, в то время как, по различным оценкам, количество мигрантов, не обращающихся в государственные органы, превышает и эту цифру. Приводятся данные, что, например, в 1995 году статус беженцев получили 69,4% претендентов²¹³, что в одной Москве в конце 1996 года обитали не менее 350 тыс. человек, желающих получить статус «беженца» или «вынужденного переселенца»²¹⁴. По неофициальным оценкам, с 1992 года в Россию уехали около 4.5 млн. человек из стран СНГ²¹⁵.

Вынужденная миграция русскоязычного населения из республик СНГ, прежде всего, Средней Азии и Казахстана, может быть рассмотрена нами как в контексте выхода из ситуации культурной и социальной маргинальности, так и переход из одного состояния маргинальности в другое.

4.2.1. Социальный портрет вынужденных мигрантов²¹⁶

Всего в ходе нашего исследования был опрошен 271 вынужденный мигрант. Опрос проводился в Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Краснодаре по спискам региональных Миграционных служб. Задачи исследования обусловили ограничения опроса: опрашивались мигранты, недавно прибывшие в города (1 год и менее), люди, испытывающие значительные материальные трудности (отметившие первые 3 позиции на шкале материального положения ВЦИОМ), остановившиеся в областных центрах.

42% опрошенных составили мужчины и 58% – женщины. Преобладает активный трудоспособный возраст – 31-45 лет (36%), далее идет возрастная группа 46-60 лет (23%), 25-30 лет (16%), пожилые – старше 60 лет (15%) и самые молодые – до 25 лет (10%).

Достаточно высок уровень образования респондентов: 35% имеют среднее специальное, 31% — высшее образование (как мы можем заметить, эта доля выше, чем в среднем по регионам). Пятая часть имеют общее среднее образование. Подобное распределение по возрасту и уровню образования свидетельствует о том, что из бывших союзных республик едут люди, обладающие качественным трудовым потенциалом, специалисты, поэтому их ни в коем случае нельзя рассматривать как «балласт», «социально незащищенных».

По регионам выбытия респонденты распределились следующим образом: Казахстан (36%), Чечня (16%), Узбекистан (12%), Таджикистан (9%), Украина (6%). Остальную часть выборки составили приехавшие из стран, по представительности не дотянувших до «5-процентного барьера» (еще 14 стран СНГ и регионов России). Существенны различия среди 4 регионов, где проводился опрос. Так, половину екатеринбургских и нижегородских респондентов (47 и 52% соответственно) составили приехавшие из Казахстана, – 37% московских и 21% — беженцы из Чечни (в Нижнем Новгороде и Екатеринбурге их насчитывались единицы). Это позволяет говорить о том, что Москва и Краснодар принимают на себя первый удар вынужденной миграции, носящей экстремальный характер (беженцев войны).

²¹⁰ *Combating Social Exclusion. The most marginalised groups in Denmark.* The Ministry of Social Affairs, February 1995. P. 5.

²¹¹ Положение беженцев в странах мира: найти решение. УВКБ ООН, 1996. С. 20, 230.

²¹² Мукомель В.И. Вынужденная миграция в СНГ // Миграция, 1997. № 1. С. 7.

²¹³ Зайончковская Ж. Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии в России // Мир России. Том VI. 1997, № 4. С. 25.

²¹⁴ Ионцев В.А. Вынужденная миграция в России / Население и кризисы. Вып. 2. / под ред. Б.С. Хорева. М., 1996. С. 47.

²¹⁵ Комсомольская правда, 1997, 24 декабря.

²¹⁶ Здесь и далее используются данные межрегионального исследовательского проекта «Совладающее поведение в современной России: экономические и социальные стратегии андекласса», осуществляемого при финансовой поддержке ИОО (фонд Сороса). Научный руководитель проекта д.э.н. В.В. Радаев. Данные собраны в ходе двух этапов проекта: 1) Ноябрь – декабрь 1998 г. Углубленные интервью. Всего опрошен 101 чел., в том числе вынужденных мигрантов — 31 чел. в гг. Москва, Нижний Новгород, Екатеринбург, Краснодар. 2) Июнь 1999 г. Массовый анкетный опрос (806 чел. в 4 городах, в том числе вынужденных мигрантов – 271 чел.).

В настоящее время по роду своих занятий респонденты делятся на 3 большие группы: наемные работники — 35%, почти столько же — безработные (34%) и пенсионеры (15%). Еще 7% респондентов занимаются индивидуальной трудовой деятельностью.

4.2.2. Причины отъезда с прежнего места жительства

Трансформационные процессы, и прежде всего, обретение республиками статуса независимых, привели к возникновению проблемы русскоязычного населения, находящегося на границе взаимодействия восточной и российской культур.

Было бы преувеличением называть эту проблему «вдруг возникшей». Полной ассимиляции одной культуры в рамках другой не происходило и в советский период, социальная дистанция представителей русскоязычного и коренного населения выражалась в национальных стереотипах; занятости в различных отраслях экономики; русские оседали в городах и привозили с собой соответствующую городскую культуру; наиболее тесный круг общения также рекрутировался из представителей своей национальности.

Однако в советский период это дистанцирование не выливалось в культурный конфликт: взаимоотношения приезжего и коренного населения были в основном спокойными, дружелюбными, о чем, в частности, свидетельствует большое количество межнациональных браков.

Культурный конфликт и маргинализация русскоязычного населения проявляются в результате отделения республик от России. Причины маргинализации можно разделить на: а) устранение сдерживающих националистические настроения механизмов; и б) целенаправленную политику руководства республик, ставящую русских вне рамок правового поля, исключаящую их из доступа к ресурсам жизнедеятельности.

К первой группе причин следует отнести падение влияния Москвы, переориентацию национальных экономик и, соответственно, политических и культурных контактов с России на Запад и Восток. Следствием этого стал всплеск националистических настроений как итог десятилетиями копившихся противоречий.

Однако нынешний маргинальный статус русских в республиках свидетельствует о существовании целенаправленной политики их вытеснения на социальную периферию путем конструирования образа «чужака», создания структурных условий, исключаящих русских из участия в производстве и распределении. К этим механизмам относятся апелляция к национальному самосознанию и призывы «быть хозяевами в собственной стране»; возложение на русских ответственности за нынешнее трудное положение в республиках; перевод делопроизводства, СМИ и образования на национальные языки; занятие ключевых постов в управлении государством и экономикой «национальными кадрами»; предоставление льготных ссуд коренным жителям, что дает им возможность быстрого обогащения; практика приглашения, к примеру, казахов из Монголии заселять освобождающиеся территории.

Эту ситуацию можно интерпретировать как рассогласованность действий системы социальных институтов, когда последние не могут в полной мере реализовать свои функции, обеспечивать социальное единство общности и прибегают сознательно к нетрадиционным способам выполнения своей роли в обществе: 1 – государство не может выступать гарантом исполнения законов и обеспечения безопасности своих граждан; 2- государство в интересах господствующих социальных групп осуществляет дискриминацию²¹⁷.

В результате анкетного опроса выделились следующие главные причины вынужденного переезда:

- *Националистические настроения в республиках* (66%).
- *Общая тяжелая экономическая ситуация в республиках* (63%).
- *Отсутствие регулярной работы* (48%).
- *Незнание местного национального языка* (47%).
- *Трудности с образованием и будущей работой детей* (47%).
- *Криминогенная обстановка, угроза личной безопасности* (45%).
- *Нарушение Ваших прав как гражданина и собственника* (44%).

Таким образом, к основным выталкивающим факторам относятся национализм и тяжелое экономическое положение в республиках. Как мы можем заметить, остальные причины так или иначе являются производными от них.

С одной стороны, переход на активное использование национального языка выглядит естественным в результате образования самостоятельного государства, но в условиях восприятия республик как «полузаграницы», значительной доли русскоязычного населения (а в некоторых городах – его доминирования), привычного использования русского языка, переход на национальный становится для большинства шоком.

В прибалтийских республиках (на примере Латвии) механизмы конструирования маргинальности проявляются в изобретении специальной категории «неграждан» для лиц, въехавших в страну после 1940 года. Латвия «прославилась» неслыханно высокими лингвистическими требованиями для сдачи экзамена по национальному языку, который, оказалось, не под силу сдать даже представителям коренной национальности. Этот комплекс мер получил в Латвии название «этнической мобилизации»²¹⁸.

²¹⁷ *Балеев И.Р.* Вынужденная миграция населения как социальный процесс: проблемы исследования и регулирования. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. соц. наук. Уфа, 1997. С. 10.

²¹⁸ Новое время, 1998. № 10.

Экономическая маргинализация русских проявляется в том, что на фоне массового закрытия предприятий и острого дефицита рабочих мест предпочтение при приеме на работу и выдаче зарплат отдается «своим», зачастую уступающим по уровню квалификации, трудовой дисциплины и законопослушности.

Культурная маргинализация проявляется в процессе разрушения и рурализации городов. Создается ситуация, когда люмпенизированные слои, занимающие пустующее жилье, диктуют горожанам свои «правила игры» и ставят в маргинальное положение группу, часто более продвинутую в культурном и социальном отношении. Маргинальным становится сам уклад городской жизни в условиях численно преобладающего кочевого населения.

Обратим внимание на характерную черту, общую для республик Средней Азии и Казахстана: нарушение гражданских прав населения (насиленная паспортизация, фиктивные выборы) происходит и в отношении местного населения. Однако последними оно воспринимается как естественный элемент восточной культуры. То же можно отнести к клановой организации общественной жизни, отсекающей «чужакам» доступ к ресурсам. Нормы доминирующей культуры становятся неприемлемыми для «маргиналов» и воспринимаются ими как несправедливость и депривация.

Парадоксальность ситуации в республиках заключается в том, что социальными изгоями делают далеко не «лишнее», деклассированное население, но тех, в чьих знаниях и рабочих руках страна нуждается, прежде всего для обслуживания высокотехнологичных отраслей экономики. Поэтому характерной чертой процесса маргинализации русских стало не только вытеснение их из республик, но и стремление затруднить им выезд, низвести до уровня «социального дна», «обслуги».

Отмеченные факты упоминаются как главные причины бегства русскоязычного населения из республик. Массовый отъезд еще более усугубляет положение остающихся, не только оставляя последних численно в меньшинстве на данной территории, но и разрывая социальные связи, так что людям в буквальном смысле не к кому пойти — не остается друзей и знакомых.

Таким образом, наши данные подтверждают идею И. Поповой, что маргинальные группы полностью не исключаются из социально-экономических, политических и социокультурных связей, но их положение и исполняемые ими роли сильно меняются²¹⁹.

Драматичность ситуации усиливается тем, что **данный культурный конфликт оставляет мало возможностей русским приспособиться к новым условиям**. Те из них, которые пытались учить национальный язык, указывали на сложность обучения в зрелом возрасте либо на крайне низкий уровень преподавания. Бытовой же национализм основывается не столько на знании/незнании языка, сколько на европейской внешности, которая служит достаточным основанием отказа в приеме на работу или оскорбления. Более того, «европеец» — потенциальная жертва насилия, мигранты упоминают об убийствах русских в дни национальных праздников и просто среди бела дня. Насилие совершается при потворстве правоохранительных органов, целиком представленных национальными кадрами.

Таким образом, **в условиях невозможности справиться с маргинальной ситуацией в контексте господствующей культуры, единственным рациональным решением становится бегство из нее**, то есть вынужденное переселение.

4.2.3. Маргинальный статус мигрантов на новом месте жительства

Как мы отметили выше, переезд в Россию позволяет снять культурную маргинальность (осуществляется смена социального окружения, люди становятся «типичными» по своим этническим характеристикам и образу жизни), однако, теряя важнейшие ресурсы, они переходят в ситуацию *структурной маргинальности*. Значительная нисходящая мобильность, неопределенный правовой статус, недостаток ресурсов для жизнеобеспечения, невозможность применить профессиональные знания и опыт также создают *маргинальность промежуточности, переходности, трансформации базового социального статуса, или динамическую маргинальность*²²⁰. Все это позволяет характеризовать состояние вынужденных мигрантов на новом месте жительства как маргинальное, неравновесное, очень динамичное, исходом которого должны быть либо интеграция, либо опускание на социальное дно. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

Переезд оказывается важным элементом социальной мобильности — не только территориальной, но и классово-профессиональной. В случае с вынужденными переселенцами уместно говорить о значительной нисходящей мобильности.

Таблица 1

Положение мигрантов в социальной структуре
на прежнем постоянном месте жительства и в настоящее время

²¹⁹ Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 66.

²²⁰ Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ. М., 1996. С. 46.

<i>Слой на прежнем месте жительства</i>	<i>%</i>	<i>Слой в настоящее время</i>	<i>%</i>
Самый низший	2	Самый низший	18
Низший	6	Низший	22
Ниже среднего	17	Ниже среднего	35
Средний	52	Средний	24
Выше среднего	18	Выше среднего	1
Высший	3	Высший	-
Элита	3	Элита	-

Как видно из таблицы, подавляющее большинство людей «перекочевали» в результате переезда на низшие ступени социальной иерархии; их «потолок» на данный момент – средние слои общества. Еще один вывод из картины их прошлого социального статуса – это бывшие средние слои, среднеобеспеченное население. Это подтверждает данные, что мигранты второй волны – это «средняки», которым еще удалось собрать деньги на переезд, но уже не хватает на обустройство на новом месте. Видно, что практически не едут малообеспеченные, которые не могут себе позволить переехать по материальным причинам.

Сам характер вынужденного переезда является фактором *маргинальности как ограниченности доступа к социальным ресурсам (структурной, или социальной, маргинальности)*²²¹. Любой вынужденный мигрант – даже высококвалифицированный специалист, ранее входивший в высшие слои общества, – определенное время является бездомным и безработным. Эти характеристики, как известно, сами по себе являются важнейшими элементами структурной маргинальности. Кроме того, острая депривация материальных потребностей, отсутствие жилья, дохода даже на питание, также вносят свой вклад в маргинализацию этой группы. Результаты анкетного опроса и интервью показали, что наиболее острыми являются **проблемы материально-бытового плана**, связанные с обустройством на новом месте:

Нехватка средств для нормальной жизни — 79%.

Отсутствие нормального жилья — 76%.

Отсутствие регулярной работы — 45%.

Переезд больно ударил всех респондентов по карману. Нынешнее состояние вынужденных мигрантов можно охарактеризовать как ситуацию множественных потерь: переезд лишил людей многих важнейших ресурсов жизнеобеспечения, не дав ничего взамен. К наиболее существенным потерям относятся:

- *жилье* (91% людей имели собственное жилье на прежнем месте жительства, сейчас его имеют лишь 13%);
- *регулярная оплачиваемая работа* (54% имели ее ранее, сейчас имеют 35%). Причем в данном случае значительны региональные различия: наиболее остра ситуация с занятостью вынужденных мигрантов в Москве и Краснодаре (там работу сейчас имеют соответственно 22 и 21% мигрантов), в то время как в Екатеринбурге и Нижнем Новгороде уже нашли регулярную оплачиваемую работу соответственно 54 и 45% респондентов. Это можно объяснить тем, что столица и регион, территориально расположенный ближе к зонам напряженности, принимают на себя первый удар вынужденной миграции, в то время как в более отдаленные города люди едут «прицельно» – имея за что зацепиться, прежде всего, родственников;
- *сад или личное подсобное хозяйство* (58% имевших ранее против 16 — сейчас);
- *сбережения* (45% против 9%);
- *денежный доход, позволяющий жить нормально* (46% против 15%).

Таким образом, основные потери коснулись «запаса прочности» людей в виде недвижимости, работы и сбережений. Обратим внимание, что менее половины респондентов отметили у себя наличие сбережений и достаточного дохода на момент переезда. Это позволяет утверждать, что люди переехали буквально на последнее, что имели: основным источником средств на переезд стала продажа недвижимости. В интервью респонденты рассказывали драматичные истории о трудностях продажи своей собственности. Ее обесценение происходит не только вследствие объективного падения цен на недвижимость в депрессивном регионе, но и в результате призывов «ничего не покупать у русских», разбрасываемых в разных городах в виде листовок и организованных «кризлтерских» групп, сбивающих цены на жилье путем психологического давления на продавцов. В результате люди не смогли привезти с собой «денежный эквивалент» своего жилья: 35% респондентов продали его за бесценок, 26% — оставили родным и друзьям, 31% просто бросили. Практически всем респондентам удалось сохранить лишь такую дорогостоящую движимую собственность, как автомобили: 30% семей отметили их наличие как до, так и после переезда.

Тяжелая ситуация с текущими доходами (лишь 15% отметили наличие «достаточного» дохода) оставляет людям мало шансов решить самую острую для себя проблему – жилищную.

На данный момент 33% семей снимают жилье, 31% живут у родственников вместе с ними, 7% семей смогли купить жилье. 6% живут в жилье, предоставленном Миграционной службой. 17% респондентов затруднились определенно ответить на этот вопрос, поскольку ситуация с жильем крайне нестабильна. Опять же, значительны региональные различия. Наименьшее количество мигрантов, сумевших купить жилье, – в Москве

²²¹ Попова И.П. Указ. соч. С. 49.

(всего полтора процента) и Нижнем Новгороде (4,5%), в то время как в городах с более дешевым жильем эти цифры составляют 9% (Екатеринбург) и 12% (Краснодар). В Москве основная часть респондентов (45%) снимают жилье, в остальных городах эта доля составляет от 27 до 30%. В Краснодаре преобладает доля живущих у родственников – 41%. В Нижнем Новгороде парадоксально велика доля респондентов, отметивших вариант «жилье предоставлено Миграционной службой» (21%, для сравнения – в Екатеринбурге – 4%, в Москве и Краснодаре – ни одного).

Перспективы решения своей жилищной проблемы видятся мигрантами следующим образом:

Получить компенсацию за жилье и имущество или ссуду – 25%.

Накопить денег и купить (построить) жилье – 20%.

Получить от государства или предприятия – 15%.

Получить жилье от родственников – 3%.

Затрудняюсь ответить – 22%.

Нет перспектив решения проблемы – 21%.

В данном случае можно сказать, что нет доминирующей стратегии решения жилищной проблемы. Мигранты достаточно сильно дифференцированы и по своим возможностям (ресурсам), и по своим установкам, представлениям о своих правах и обязанностях государства. Лишь пятая часть всех приехавших, несмотря на то, что это трудоспособные люди, рассчитывают на свои собственные силы в решении самой важной своей проблемы. Надежды большинства устремлены на государство или предприятие. Подобную позицию можно трактовать как «иждивенческую», однако, учитывая приведенные выше данные о тяжелом материальном положении людей, можно предположить, что такие установки как раз являются трезвой оценкой ситуации и своих возможностей. Более всего настораживает высокая доля не видящих перспектив и затруднившихся с ответом – более 40% респондентов. Возможно, именно эти респонденты – кандидаты на переход в маргинальные группы «застойной бедности».

Фрустрирующая маргинальность. Потери в связи с переездом можно охарактеризовать как «множественные», поскольку они не ограничиваются лишь материальными ресурсами людей. Субъективная составляющая маргинальности – негативные переживания по поводу маргинальной ситуации, своего несоответствия окружению либо своему новому статусу.

Объективные материальные трудности накладываются на состояние фрустрированности от потери имущества, поскольку разница прошлых и нынешних условий жизни разительна. Типичными для мигрантов становятся «воспоминания о потерях» — фрустрация от резкого несоответствия прошлого и настоящего социального статуса, бытовых условий, не востребованной на новом месте жительства специальности.

Усугубляют это состояние и потери социальных связей, а также личностных ресурсов. Трудности входа в новое социальное окружение обуславливают потери *близких друзей* (94% респондентов отметили их наличие на прежнем месте жительства, сейчас они есть у 49%), *возможностей для любимых занятий* (72% против 49), *здоровья* (64% против 47). О негативном влиянии вынужденного переселения на физическое и психическое здоровье людей также упоминается во многих публикациях²²².

Потери не коснулись наличия свободного времени и родных, живущих поблизости, однако ощущаются трудности вхождения в «социальные сети» новой культуры, за пределами своей семьи. Достаточно распространенным является «разведочный» тип переезда семьи; сам термин указывает на ассоциацию нового места жительства со враждебным станом, в котором важно «не потеряться».

Подобные переживания определяют и **социально-психологические проблемы** вынужденных мигрантов. К важнейшим из них респонденты отнесли следующие:

- *Неуверенность в завтрашнем дне – 57%.*
- *Зависимость от внешних обстоятельств – 49%.*
- *Чувство бесполезности для людей и общества – 17%.*
- *Неуверенность в себе, неумение себя подать – 16%.*
- *Неумение ориентироваться в ситуации – 16%.*

Не случайно ключевыми характеристиками психологического состояния мигрантов являются неуверенность и зависимость. Неуверенность в завтрашнем дне – яркий признак маргинальной ситуации, неопределенности перспектив. Условия незнакомого города, незнание законов, отсутствие времени на «раскачку», необходимость временного размещения ставят людей в положение просителей у окружающих.

Специфической для мигрантов является проблема их **социально-правового статуса** на новом месте жительства. Получение статуса вынужденных переселенцев и гражданства упоминаются как вторая по очередности задача (после жилья). Решение этих вопросов имеет как важное символическое (признание человека «своим»), так и еще более важное практическое значение: наличие городской прописки – это условие легального трудоустройства и получения социальных льгот. Следует отметить негативное символическое значение слова «беженец», обозначающее чужака с низким социальным статусом. Как сказала респондентка в одном из интервью: «На нас же не написано, что мы беженцы, поэтому здесь к нам хорошо относятся».

²²² См., например: Хаснулин В.И. Здоровье и проблемы миграции в Сибири // Миграция, 1998. № 1; Доицицын Ю.П., Лапин Н.Н. Вынужденные переселенцы в крупном промышленном городе Сибири // Социологические исследования. 1995. № 9.

Факторами маргинальности являются разорванные семейные связи, вина и беспокойство за оставшихся там родственников, обычно престарелых родителей, и дискомфорт от необходимости пользоваться существенной поддержкой со стороны родственников, вынужденный статус «нахлебников», ассоциация себя со «слепыми котятками», не ориентирующимися в новой местности.

Типичными для маргинальной личности становятся фрустрация от резкого несоответствия прошлого и настоящего социального статуса, бытовых условий, не востребованной на новом месте жительства специальности (шахтер, горный инженер). Субъективно ощущение маргинальности выражается фразами типа «я понимаю: кому я здесь нужен?».

По нашему мнению, нет оснований характеризовать маргинальность мигрантов на новом месте жительства как «культурный конфликт». Маргинальность этого типа проявляется в двух случаях: если переселенец попадает в незнакомую, чужую ему культуру, например, в другую этническую среду. Но поскольку большинство мигрантов – русскоязычное население (так, на начало 1997 года они составляли 70% вынужденных мигрантов, и имеется тенденция к дальнейшему росту удельного веса русских²²³).

Культурный конфликт другого типа проявляется в ситуации, когда переселенец – горожанин попадает в сельскую местность. Как известно, данная стратегия «решения» жилищной проблемы мигрантов достаточно популярна до сих пор и рассматривается как средство возрождения русских деревень путем поселения там молодых и высококвалифицированных переселенцев из стран СНГ. И это при том, что «85% вынужденных мигрантов – это бывшие горожане, из которых 2/3 – выходцы из крупных городов и административных центров»²²⁴. И происходит столкновение двух культур – городской и сельской – не говоря уж о том, что приехавшие «занимают» дефицитные рабочие места на селе. Именно с переселенцами, обосновавшимися в деревнях, связаны негативные реакции местных жителей. Специфика настоящего исследования была в том, что опрашивались мигранты, обосновавшиеся в городах, в «родной» для себя урбанизированной среде; количество же их не столь велико, чтобы существенным образом создать напряженность на рынке труда большого города. *Плохое отношение окружающих к Вам, Вашей семье* было отмечено лишь 6% респондентов.

4.2.4. Ресурсы преодоления маргинальности

Главной причиной, по которой мы считаем недопустимым рассмотрение вынужденных мигрантов как «социальных» инвалидов, требующих внимания и заботы со стороны общества и государства, является наличие у них широкого спектра ресурсов, позволяющих самостоятельно интегрироваться в новую социальную среду. Те обстоятельства, что переезд был цепью последовательных сознательных действий, что решение о переезде вызревало постепенно и неоднократно обсуждалось на семейных советах и в кругу близких друзей (о чем говорят данные интервью), позволяют утверждать, что люди производили ревизию наличных ресурсов, пытались хотя бы на несколько ходов предвидеть ситуацию, которая будет ждать их на новом месте. Это планирование прежде всего касалось выбора нового места жительства. В целом по выборке иерархия главных причин выглядит следующим образом (поскольку данные по регионам сильно различаются, в скобках приведены наиболее значительные отклонения):

- *Здесь есть родные, близкие, друзья* — 79% (Москва – 65%).
- *Более спокойная обстановка* — 40% (Екатеринбург – 28%, Н. Новгород – 54%).
- *Есть возможность найти работу* – 37% (Краснодар – 27%).
- *Здесь лучше экономическая ситуация* – 28% (Нижний Новгород — 43%).
- *Вы (кто-то из Вашей семьи) отсюда родом* – 23 (Москва – 11, Н.Новгород – 33).

Таким образом, если выталкивающими факторами миграции являются национализм и тяжелая экономическая ситуация, то привлекающими – наличие родных и близких в данном городе. Это подтверждает мысль о том, что переселенцы не оказываются «одинокими волками» на новом месте, в рамках данной культуры развитая «сеть безопасности» на уровне межперсональных связей оказывается гораздо важнее *потенциально лучших возможностей*, связанных с *отчужденными формами* отношений. Однако вторую волну вынужденных мигрантов характеризуют и учащающиеся случаи приезда людей «на пустое место», просто потому, что «*по-прежнему город*» (отметили 9% респондентов) или «*все равно было, куда ехать*» (7%). Подобный «авантюризм» характеризует остроту ситуации на прежнем месте жительства и безысходность, испытываемую людьми.

Рассмотрим имеющиеся у мигрантов ресурсы более подробно.

Социальные ресурсы. Важный ресурс для преодоления маргинальности – наличие родственников и друзей на новом месте, что и определяло в большинстве случаев выбор того или иного города. Родственники, друзья и знакомые рассматриваются переселенцами как главный ресурс улучшения ситуации и психологической адаптации на новом месте жительства. Родственники, у которых живут мигранты, терпят дополнительные неудобства и лишения, но удивительно терпимы, входят в положение приехавших, семейных распрей почти не отмечено. О важности социальных контактов свидетельствует, в частности, опыт трудоустройства мигрантов, большинство из которых устроились благодаря протекционному знакомых.

²²³ Зайончковская Ж. Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии в России // Мир России. Том VI. 1997, № 4. С. 27.

²²⁴ Витковская Г. Вынужденные переселенцы из ближнего зарубежья: проблемы интеграции в российский социум / Миграционные процессы после распада СССР. Программа по исследованию миграции. Вып. V. М., 1994. С. 57.

Помощь мигрантам прежде всего исходит от родных: 60% опрошенных получали в течение последних 3 месяцев помощь советом, информацией, моральной поддержкой, 41% – денежную помощь, 35% – вещами и продуктами, 23% – различными бесплатными услугами, помощью в домашнем хозяйстве. Следующей «инстанцией» являются друзья: 44% получали от них помощь советом и информацией. О материальной поддержке со стороны друзей уже упоминания крайне редки (7%).

Важным фактором вхождения в новую среду становятся трудности, общие с местным населением. Общие проблемы низкого уровня жизни и поиска работы способствуют самоидентификации себя с местными, восприятию себя как равных: *«Здесь всем тяжело живется. Нам тяжелее в том, что у нас своего угла нет»* (женщина 36 лет, из Казахстана). *«Многие, как и я, без работы»*, *«много таких же, как и я, бедолаг»* (женщина, 40 лет, из Чечни). *«Соседи здороваются, я уже своя. Жильцы из общежития помогают, за детьми присматривают, приносят старые вещи, посуду дают, мебель предлагают»* (женщина 40 лет, из Таджикистана).

Экономические ресурсы. К ним относится привезенное с собой имущество, денежные средства и наличие «конвертируемой» специальности. Именно в этих ресурсах мигранты обычно испытывают самый острый недостаток. Люди приезжают практически с пустыми руками, поскольку средства от продажи имущества за бесценок едва могут покрыть расходы на дорогу. В этом плане они говорят о себе в терминах: *«погорельцы»*, *«вообще ничего нет»*, *«начинаем все с нуля»*. Подобно безработным, вынужденные мигранты обычно трудоустраиваются с сильным понижением социального статуса.

Правовые ресурсы – российское гражданство, местная прописка и статус вынужденного переселенца. Они одинаково важны как в решении практических проблем трудоустройства и решения жилищной проблемы, так и в обретении статуса «своего». Так, многие мигранты первым этапом пройденного пути отмечали именно признание легитимности своего пребывания на данной территории на правах равного.

Деятельностные ресурсы представлены сознательным выбором сложившейся ситуации, готовностью взяться за любую работу, вообще к трудностям и долгосрочным усилиям. Группу вынужденных мигрантов отличает сознание личной ответственности за свое сегодняшнее положение: при том, что ситуация в республиках была фактором, внешним по отношению к респондентам, их переезд был цепью сознательных действий; говоря о своей нынешней ситуации, люди постоянно оценивают то, что было сделано ими ранее. Поэтому **с описанием трудностей на новом месте тесно переплетены позитивные эмоции**: сознание, что они на родине, в своей этнической среде, в городе с большими возможностями трудоустройства.

Психологическая подготовка к трудностям, а нередко к существованию в экстремальных условиях, является значимой базой совладания с трудностями. Вот как говорят об этом респонденты: «Мы к этому были готовы. Знали, на что шли. Готовы были и к трудностям и с работой, и с жильем. Предполагали, что легкой жизни не будет. У нас ее и там-то не было, нигде нет» (мужчина, 25 лет, из Казахстана). *«В любом случае, назад никто не собирается. Незачем было все это тогда затевать. Стиснув зубы, будем дальше до конца»* (рабочий из Караганды, 54 года). *Наличие в речи респондентов фраз: «мы готовы начать все заново», «мы справимся», «заработаем» – свидетельство принятия трудной ситуации как результата собственного сознательного выбора, лучшего из прочих возможных.*

Любопытно, что неукоренность на новом месте жительства иногда является плюсом, обуславливающим возможности дальнейшей социальной мобильности и, следовательно, расширение спектра поисков работы и жилья: «как сумки стояли полные, так они и стоят».

Большинство мигрантов уже находились в неблагоприятных экономических условиях на прежнем месте жительства, что позволяет им сейчас свой опыт выживания (ИТД, частная торговля, челноки). Здесь же стоит упомянуть такой вид ресурсов, как **удавшиеся шаги в направлении решения проблем**: удалось переехать, решить проблему с пропиской, найти, хотя бы и временную, крышу над головой, устроиться на работу, устроить детей в школу, сделаны первые покупки на новом месте жительства. Подобные удачи свидетельствуют о поэтапном решении проблем и наличии стратегии как набора последовательных, осознанных, целенаправленных действий.

Именно деятельностными, неотчуждаемыми от личности ресурсами и невысоким уровнем ожиданий от государственных органов власти отличаются в массе вынужденные мигранты от таких маргинализованных групп, как «новые бедные» и безработные.

Символическая компенсация за утраченные возможности. «Превращение» тяжелой ситуации в благоприятную, нахождение плюсов в любом событии – тоже ресурс, который помогает избежать сильных стрессов и трезво оценить свои возможности. Важнейшим элементом такой трезвой оценки становится снижение планки потребностей людей, принятие того факта, что им доступен только более низкий жизненный стандарт, чем тот, который был ранее. Такая компенсация звучит в ответах: *«А я квартиру и не хотела бы, я с детства мечтала иметь свой домик, живность...»* (женщина, 31 год, из Казахстана). *«Заработать на квартиру сейчас нереально, только украсть»* (мужчина, 30 лет, из Казахстана).

Эмоциональные ресурсы. *Своеобразным ресурсом преодоления ситуации социальной маргинальности являются впечатления вынужденных мигрантов, вынесенные с прежнего места жительства. Период дискриминации, унижения и насилия обуславливает восприятие «той» жизни в черных тонах, и прежде всего это относится к представителям коренных национальностей. В интервью они упоминаются как «нечистоплотные», «менее цивилизованные», менее компетентные в профессиональной деятельности. На этом негативном фоне попадание в свою этническую среду, доброжелательное отношение людей на улицах, большой выбор*

телевизионных программ и печатных изданий на русском языке воспринимаются как величайшее благо: «приятно видеть русские лица на улицах города», «здесь все свое как бы». «Обращались к людям на улице: как проехать, пройти, здесь гораздо доброжелательней, чем у нас. Люди намного добрее. И мы еще смотрим на цены на продукты, у вас здесь все относительно дешевле по сравнению с Карагандой, мы еще шутим: “Кризис, чем они [местные жители] не довольны?!”» (женщина, 23 года).

Помощь со стороны государства и общественных организаций. Противоречивы оценки местных властей в их содействии преодолению трудностей. Просили помощь в Миграционной службе 72% приехавших, в общественных организациях – 30%. Судя по уже полученной помощи, роль последних в адаптации мигрантов в большинстве регионов ничтожна. Исключение составляет Москва, где, на фоне единичных положительных ответов в других регионах, 17% респондентов получили юридические консультации, по 14% получили денежное пособие и медицинскую помощь. Судя по нашим данным, наиболее слабо развита общественная поддержка мигрантов в Краснодаре: 97% респондентов отметили, что не получали никакой помощи.

Более заметна деятельность Миграционных служб в регионах. В среднем по выборке отсутствие какой-либо помощи отметили 58% респондентов, в том числе среди краснодарцев – 72%, москвичей – 66, екатеринбуржцев – 62, нижегородцев – 31%. Вообще «нижегородские» мигранты сильно отличаются в плане позитивной оценки работы Миграционной службы: 46% получили от МС денежное пособие (в Москве – 11%, в среднем по выборке – 24), 10% — временное жилье (по выборке – 3%), упоминается медпомощь, помощь в растаможивании имущества.

Работает закономерность, что *состояние наибольшей фрустрированности испытывают люди, возлагавшие значительные надежды на помощь извне.* Именно эта категория респондентов наиболее часто упоминает о хамском и бездушном отношении к себе. Эта группа рассматривает помощь со стороны государства как должностное, но гораздо реже упоминает о реально полученной помощи. Отношение к Миграционной службе неоднозначное: с одной стороны, видят и слышат в очередях в коридорах отделений ФМС, что кому-то помощь оказывается, кто-то что-то получает. С другой стороны, достаточно распространены негативный опыт личного общения со специалистами МС и мнение, что «чиновники свою работу не делают». Позицию же большинства обращающихся в Миграционную службу характеризует скептически-отстраненное восприятие власти, которая не может (и не должна?) быть главным субъектом поддержки.

Ситуация вынужденных мигрантов характеризуется как достаточно длительный период деприваций – экономической, культурной, правовой. На первом этапе они носили внешний по отношению к респондентам характер и были обусловлены социально-политической и экономической ситуацией в регионах их прежнего места жительства. Невозможность найти удовлетворительные выходы из той ситуации обусловили бегство из нее, то есть вынужденное переселение. Таким образом, нынешняя ситуация респондентов является результатом сочетания внешних обстоятельств их жизни с их сознательными выборами и действиями.

При всей сложности ситуации мигрантов на новом месте жительства, она редко описывается лишь в черных красках. Этим людей объединяет по крайней мере одно достижение – совершившийся переезд, который является первым этапом позитивного разрешения ситуации. В целом обстановка на новом месте жительства воспринимается респондентами как более благоприятная, хотя и порождает новые трудности.

Важнейшими ресурсами совладания в условиях потери имущества и необходимости начинать жизнь заново являются социальные связи, представленные родственниками и друзьями, и деятельностные ресурсы как опора на собственные силы и готовность к проявлению активности.

В оценке сложившейся ситуации, совершенных и будущих действий достаточно сильно выражен компонент сознательного планирования своих действий, что позволяет говорить о наличии стратегии совладания с жизненными трудностями. Ее большая выраженность в данной категории респондентов объясняется более экстремальными условиями ее существования, когда в условиях резко изменившейся социальной среды активизируется адаптационный потенциал людей.

Итак, при том, что налицо маргинальная ситуация, связанная с отсутствием работы и жилья и необходимостью «начинать жизнь заново», в случае с русскоязычными мигрантами не наблюдается ситуация культурной маргинальности, нет как таковой необходимости входить в «чужую» культуру и радикально менять свои ценности и нормы жизнедеятельности. Маргинальная ситуация вынужденных мигрантов связана с потерей собственности, жилья, работы, то есть вызвана не столько культурными, сколько социально-экономическими причинами. Наиболее радикальные изменения в жизни людей касаются переоценки своих возможностей и необходимости задействовать свои ресурсы для преодоления экстремальной ситуации.